Л. Г. Барацъ.

Итоги полемики по поводу финансированія промышленности.

КІЕВЪ.
Типо-литографія „И. И. Чоколовъ“ Б.-Житомирская № 20, соб. домъ.
1916.

Отдѣльный оттискъ изъ журн. „Извѣстія Кіев. Ком. Института“ за 1916 г.

Итоги полемики по поводу финансирования промышленности.

Вотъ ужъ подлинно: habent sua fata libelli.. и некоторые вопросы.

И въ самомъ дѣлѣ, едва ли внѣ такой фаталис зрѣнія можно найти правильное объясненіе факту, что достаточно было такого чисто внѣшняго повода, какъ возникновеніе среди дѣятелей старѣйшаго частнаго русскаго банка,—очевидно стремящихся „влить вино молодое въ мѣхи ветхіе“,—предположенія приспособить это учрежденіе спеціально къ обслуживанію русской промышленности,—для которой нынѣ открываются столь необъятныя перспективы,—достаточно было этого одного, чтобы вопросъ о промышленномъ банкѣ или банкѣ для промышленности, давнымъ давно не только уже окончательно изученный теоретически, но также практически рѣшенный въ Западной Европѣ, такъ сказать, „по ошибкамъ прошлаго“, вдругъ снова всплылъ на поверхность общественнаго вниманія и вновь вызвалъ къ себѣ самый живой интересъ.

Въ связи съ этимъ, по данному вопросу у насъ положительно не сходятъ во время войны съ очереди и служатъ предметомъ обсужденія даже на столбцахъ общей печати многочисленные и разнообразные проекты (появлявшіеся у насъ, впрочемъ, неоднократно и раньше, начиная съ 60-хъ годовъ прошлаго вѣка), вполнѣ родственные тому пышно расцвѣтшему въ то же самое время „финансовому творчеству“, которое совершенно основательно даетъ проф. М. И. Фридману поводъ „сѣтовать на чрезмѣрное усердіе всякаго рода „прибыльщиковъ“, употребляя выраженіе петровской эпохи, которые въ поразительномъ изобиліи изготовляютъ проекты избавленія отечества отъ финансовыхъ затрудненій“ (см. ст.: „Государственныя монополіи“ въ „Вѣстн. Фин., Торг. и Пром.“ № 18 за 1915 г.).

Такъ, г. А. Орловъ въ своей статьѣ: „Проблема финансированія промышленности“ („Вѣстн. Фин., Торг. и Пром.“, № 10 за 1915 г.) видитъ разрѣшеніе этой задачи въ „выдѣленіи дѣла финансированія промышленности въ особую, спеціально для этой цѣли призванную, единую и крупную банковую организацію, находящуюся подъ контролемъ и воздѣйствіемъ правительства“; при этомъ желательно „участіе правительственныхъ средствъ на частноправовыхъ началахъ въ основномъ капиталѣ такой организаціи, а также выпускъ ею долгосрочныхъ облигацій, приносящихъ постоянный и болѣе высокій, нежели получаемый отъ другихъ твердопроцентныхъ бумагъ, доходъ—примѣрно отъ 6 до 7 и 8%“.

Наоборотъ, членъ Госуд. Думы И. В. Титовъ („Рѣчь“, № 105 за 1915 г., и докладъ въ обществѣ финансовыхъ реформъ) предостерегаетъ отъ повторенія сдѣланнаго у насъ при гр. С. Ю. Витте (въ 1894 году) эксперимента возложенія на Государственный Банкъ, какъ органъ казны, задачи „содѣйствія посредствомъ краткосрочнаго кредита торговлѣ и промышленности“, такъ какъ въ результатѣ „изъ выданныхъ за 10 лѣтъ по 1912 г. промышленныхъ ссудъ на 175 милліоновъ рублей было списано по безнадежности такихъ ссудъ на 94,4 милліона рублей“; поэтому государственному промышленному банку, защитникомъ котораго является проф. П. П. Мигулинъ, и полугосударственному по мысли г. Орлова - г. Титовъ, съ своей стороны, противопоставляетъ частный промышленный банкъ, который бы „работалъ не на чужія деньги, довѣренныя ему до востребованія, а на свои, полученныя выпускомъ своихъ облигацій“;—такому банку должна быть „безусловно воспрещена биржевая спекуляція“, и въ составѣ правленія его имѣетъ находиться „представитель министерства финансовъ“.

Предлагаются, конечно, какъ и во всякомъ спорѣ, также и среднія, компромиссныя рѣшенія вопроса.

Напримѣръ, г. Е. Э. („Рѣчь“ № 136 за 1915 г.), констатируя, что у насъ „съ особенной шумливостью рекомендуется спеціальное мѣропріятіе, которое должно сыграть роль панацеи для нашей промышленности—долгосрочный промышленный кредитъ.... елико возможно съ гарантіей или, во всякомъ случаѣ, со штемпелемъ государства“ (такое требованіе г. Э. называетъ, по меньшей мѣрѣ, „наивнымъ“) и признавая далѣе, что „главныя средства для промышленнаго дѣла должны быть доставляемы его *хозяевами*“,—и что было бы „фатально для всей экономической дѣятельности

страны, если бы оказалось возможнымъ создавать промышленныя предпріятія при помощи капиталовъ, полученныхъ отъ реализаціи промышленныхъ облигацій“,—тѣмъ не менѣе находитъ возможнымъ и даже необходимымъ для промышленности „использованіе долгосрочнаго (на срокъ до 15 лѣтъ) кредита при посредствѣ облигацій, выпускаемыхъ спеціальнымъ ипотечнымъ учрежденіемъ, исключительно для цѣлей нормальной меліораціи“, опредѣляемой имъ „въ 25% затратъ на фабричныя имущества, произведенныхъ собственниками“.

Наконецъ, проф. М. Соболевъ („Русскія Вѣдомости“, № 108 за 1915 г.) предлагаетъ разрѣшить коммерческимъ банкамъ заниматься выдачею долгосрочныхъ ссудъ промышленнымъ предпріятіямъ въ формѣ выпускаемыхъ банками отъ своего имени облигацій на извѣстное число лѣтъ (т. е., строго говоря, защищаетъ основные тезисы докладной записки Петроградскаго Частнаго Коммерческаго Банка, представленной въ Кредитную Канцелярію). При этомъ проф. Соболевъ высказывается противъ особаго промышленнаго банка, занимающагося выдачей долгосрочныхъ промышленныхъ ссудъ, главнымъ образомъ, потому, что „такой банкъ не можетъ имѣть надлежащей устойчивости и прочности, такъ какъ банкъ тѣмъ прочнѣе и тѣмъ болѣе гарантированъ отъ краха, чѣмъ разнообразнѣе его операціи, и чѣмъ болѣе пестра его кліентелла“,—въ каковомъ отношеніи „коммерческіе банки съ разнохарактерными операціями являются, конечно, болѣе устойчивыми“.

Истина, рождающаяся изъ столкновенія этихъ мнѣній, очевидно, приводитъ къ выводу о несостоятельности и нецѣлесообразности всѣхъ разсмотрѣнныхъ проектовъ воспособленія кредитомъ промышленности, такъ какъ каждый изъ нихъ въ отдѣльности, какъ видимъ, не только содержитъ критику остальныхъ „инакомыслящихъ“, но и невольно подвергаетъ себя самоанализу и вскрываетъ свои собственныя внутреннія противорѣчія и органическіе пороки.

Рядъ существенныхъ возраженій противъ изложенныхъ выше предложеній по интересующему насъ вопросу группируетъ приватъ-доцентъ И. И. Левинъ („Русскія Вѣдомости“ № 86 и „Вѣстникъ Европы“ № 5 за 1915 г.).

Онъ совершенно основательно указываетъ, что невозможно промышленный кредитъ строить по образцу земельнаго, хотя бы

уже потому, что промышленныя предпріятія не имѣютъ, подобно землѣ и ея продуктамъ, объективной, самодовлѣющей цѣнности, что прогрессъ техники неизбѣжно ведетъ къ обезцѣненію цѣлаго ряда отраслей промышленности, что предлагаемыя формы организаціи промышленнаго кредита грѣшатъ противъ общепризнанныхъ положеній теоріи распредѣленія риска при разнообразіи операцій и упраздняютъ частную предпріимчивость, что, если покупка промышленныхъ акцій создаетъ непосредственныя отношенія къ промышленности и близкую заинтересованность въ ней, то пріобрѣтеніе облигацій устанавливаетъ лишь связь съ банкиромъ-посредникомъ и не является средствомъ воздѣйствія на самую промышленность, и что, наконецъ, ссылки на спеціально промышленные банки въ Западной Европѣ и Японіи должны быть признаны совершенно неудачными, въ виду ничтожныхъ результатовъ дѣятельности такихъ банковъ.

Однако, и отмѣченная выше самокритика разныхъ проектовъ организаціи промышленнаго кредита, и возраженія И. И. Левина нуждаются еще, для всесторонняго освѣщенія вопроса, въ нѣкоторыхъ дополненіяхъ.

Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что отъ кредита по рецепту г. Орлова едва ли поздоровится промышленности, такъ какъ, для обезпеченія проектируемымъ г. Орловымъ облигаціямъ постояннаго дохода до 8%, промышленности этотъ кредитъ естественно долженъ обойтись не дешевле 10—12% годовыхъ.

Не удивительно поэтому, что сами промышленники относятся ко всѣмъ этимъ „шумливымъ панацеямъ“ вполнѣ отрицательно, сомнѣваются, чтобы „спеціальный промышленный банкъ принесъ тѣ благіе для отечественной промышленности и ея развитія результаты, которые рисуются воображенію его иниціаторовъ“, и „хорошую мысль объ этомъ банкѣ сопровождаютъ такимъ „но“, которое, все расширяясь и углубляясь, поглощаетъ, наконецъ, въ своей пучинѣ самую идею“. (Изъ бесѣдъ о промышленномъ банкѣ. „Русскія Вѣдомости“, № 92 за 1915 г.).

Заслуживаетъ также быть особо отмѣченной весьма характерная и неизмѣнно повторяемая авторами почти всѣхъ разсматриваемыхъ проектовъ ссылка на пресловутый Crédit Mobilier, который былъ открытъ въ Парижѣ въ 1852 г. съ программой „въ широкомъ масштабѣ задуманной реформы во Франціи желѣзнодорожнаго дѣла, промышленности и кредита, въ видахъ демокра-

тизаціи страны, всеобщаго распространенія акцій банка и участія всей націи въ господствѣ надъ орудіями производства“ (см. „Банковая Энциклопедія“, т. I, ст. Е. Кауфмана: „Депозитные и финансовые банки во Франціи“), но который уже въ 1867 г. потерпѣлъ рѣшительный крахъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе „упрямой настойчивости въ выполненіи своего проекта выпуска облигацій для полученія капитала до 600 милліоновъ франковъ (при основномъ капиталѣ въ 60 милліоновъ франковъ),—что не могло получить осуществленія, въ виду противодѣйствія правительства“,—и вслѣдствіе иммобилизаціи собственнаго капитала путемъ непомѣрно долгосрочныхъ ссудъ учрежденіямъ, созданнымъ самимъ же банкомъ“ (см. ту-же статью Кауфмана).

„Отважный духъ“ творцовъ и вдохновителей Crédit Mobilier, братьевъ Перейра, такимъ образомъ, незримо витаетъ надъ всѣми этими проектами и какъ-бы манитъ современныхъ радѣтелей отечественной промышленности къ повторенію ихъ ошибокъ и прегрѣшеній, въ конецъ разстроившихъ въ серединѣ 19 вѣка всю финансовую и хозяйственную жизнь во Франціи.

Что принципы, положенные въ основаніе организаціи Crédit Mobilier, не только не принесли желаемой пользы французской промышленности, но, наоборотъ, оказались для нея гибельными и привели во Франціи въ этой области къ „régime bâtard“ и къ „stagnation économique, si ce n'est une proche déchéance“ (Sayous. Les banques de dépot, les banques de crédit & les sociétés financiéres),—на это еще въ 1879 г. жаловался Courcelle-Seneuil, и это стало теперь во французской литературѣ по данному вопросу общимъ мѣстомъ (см. мою вступ. лекцію: „Техника банковаго дѣла, какъ предметъ преподаванія“ въ „Техн. и Комм. Образованіи“ 1910 г. № 4, и указанную статью Кауфмана).

Поэтому, въ справедливой скорби по поводу такого положенія вещей, съ сожалѣніемъ констатируя, что „къ несчастью, мы (т. е. французы) пришли уже къ такому состоянію, что было бы *самоубійствомъ* не реагировать энергично, всѣми пригодными средствами противъ упадка, переживаемаго нашимъ коммерческимъ развитіемъ“ (см. Bossuet: „Ports francs, zones franches“ и мой докладъ кіевскому экспортному съѣзду въ 1914 г.: „О введеніи свободныхъ гаваней въ Россіи“),—французскіе экономисты и финансисты устремляютъ свои взоры на Германію, которая въ сравнительно короткій промежутокъ времени, послѣ поворотнаго

пункта своей исторіи въ 60—70 г.г. прошлаго столѣтія, своей гигантской и изумительной индустріализаціей и созданіемъ промышленной марки „made in Germany“, получившей міровое господство, положительно совершила „чудо“ (miracle).

Значительная доля участія въ этомъ „чудѣ“ по праву принадлежитъ германскимъ банкамъ, которые, какъ свидѣтельствуетъ Sayous, оказались болѣе, чѣмъ „простыми посредниками между капиталомъ и трудомъ, которые руководили и поддерживали промышленное движеніе со всей возможной рѣшительностью, превратили возможности и силы въ реальности и оказали торговлѣ и промышленности содѣйствіе, въ которомъ послѣднія нуждались“... Истинный либерализмъ (vrai libéralisme) банковъ въ Бременѣ и Гамбургѣ, продолжаетъ Sayous, въ сильной степени благопріятствовалъ развитію этихъ двухъ крупныхъ пунктовъ“... „Всякій интеллигентный и дѣловитый (pratique) человѣкъ находитъ въ Германіи легче, чѣмъ гдѣ-бы то ни было въ Европѣ, самую мощную поддержку въ формѣ тѣхъ весьма крупныхъ бланковыхъ кредитовъ, которые сплошь и рядомъ открываются германскими банками“. „Словомъ, въ то время, какъ французскіе банки усилили экономическій застой нашей страны,—не можетъ не отмѣтить Sayous,—германскіе банки приняли дѣятельное участіе въ блестящемъ промышленномъ и коммерческомъ ростѣ Германіи, прекрасно названномъ проф. Blondel'емъ однимъ изъ наиболѣе выдающихся событій міровой исторіи за послѣднюю четверть прошлаго вѣка“.

Такіе результаты достигнуты при этомъ въ Германіи не созданіемъ кредитныхъ учрежденій со спеціальной и односторонней задачей обслуживанія промышленности путемъ выпуска облигацій по типу Crédit Mobilier, а исключительно культивированіемъ „смѣшанныхъ“ банковъ, на-ряду и параллельно съ, такъ называемыми, „регулярными“ обычными банковыми операціями, предоставляющихъ самый широкій кредитъ торговлѣ и промышленности и принимающихъ въ нихъ самое дѣятельное участіе.—Эти смѣшанные банки въ одно и то же время и—„настоящіе депозитные банки, и настоящіе банки кредитные, и общества для финансированія“, производящіе одновременно разнообразныя операціи „съ такой энергіей, какъ если бы каждая изъ нихъ составляла единственственный предметъ ихъ дѣятельности, такъ что области, которыя французы признаютъ опаснымъ смѣшивать безъ должной осторож-

ности и которыя въ Англіи разграничены съ самой ревнивой заботливостью, оказываются въ Германіи тѣсно связанными между собою, и смѣшеніе разнообразныхъ операцій достигаетъ тамъ возможной полноты“ (Sayous).

Такимъ образомъ, идея оживленія промышленности и содѣйствія ея преуспѣянію при помощи созданія спеціально-промышленныхъ банковъ потерпѣла рѣшительное крушеніе и должна почитаться окончательно ликвидированной не только въ Германіи, но и на родинѣ своей—во Франціи.

Полемизируя съ Гехтомъ по поводу его проекта объ устройствѣ въ Германіи, по образцу Crédit Mobilier, особаго центральнаго промышленнаго банка, составитель извѣстнаго труда о германскихъ банкахъ и ихъ концентраціи, проф. Риссеръ, прямо заявляетъ (на что г. Орловъ, повидимому, не обратилъ должнаго вниманія): „то, что предложилъ теперь Гехтъ, уже давно осуществлено за-границей, но такой банкъ не могъ проявить до сихъ поръ особенно успѣшной дѣятельности. Въ успѣшную дѣятельность (подобнаго банка) въ Германіи я, во всякомъ случаѣ, не вѣрю и при нашихъ германскихъ условіяхъ не рекомендовалъ бы изданія закона въ цѣляхъ облегченія выпуска обезпеченныхъ банковыхъ долговыхъ обязательствъ. Такія обязательства, впрочемъ,—и этого не слѣдуетъ забывать—вѣдь уже были предложены Перейра и предусмотрѣны уставами Crédit Mobilier и Дармштадтскаго банка болѣе 50 лѣтъ тому назадъ, и было хорошо,—по единодушному признанію всего міра,—что таковыя фактически никогда не были выпущены“ (см. проф. Риссеръ: „Германскіе банки и ихъ концентрація“, 4-е изд., стр. 216—217).

Ясно, слѣдовательно, что, для плодотворнаго рѣшенія ставшей нынѣ особенно злободневной проблемы финансированія русской промышленности, нужно итти не по осужденному всѣми,— и прежде всего самими французами,—французскому пути, отмѣченному „болѣзненнымъ пристрастіемъ къ операціямъ, связаннымъ лишь съ *минимальнымъ* рискомъ“ (Sayous), а по проторенной германцами со „все возрастающей смѣлостью“ дорогѣ, приведшей ихъ къ такимъ разительнымъ результатамъ.

Съ этой точки зрѣнія конечный выводъ, къ которому приходитъ И. И. Левинъ, неизбѣжно подсказывается всей совокупностью обстоятельствъ и заслуживаетъ полнаго сочувствія. „Мы считаемъ, говоритъ г. Левинъ, что никакой спеціальной организаціи (кредита) въ настоящее время не требуется. Учреждать,

создавать предпріятія банки не должны; это дѣло частнаго предпринимателя, его инициативы, его энергіи.... Что же касается финансированія, то эту задачу выполняютъ—и, пожалуй, слишкомъ широко - наши коммерческіе банки... Подъемъ, пережитый русскимъ народнымъ хозяйствомъ до войны, наглядно показалъ, что жаловаться на недостатокъ вниманія къ себѣ со стороны банковъ, русская промышленность отнюдь не можетъ. Къ этой системѣ финансированія промышленности пришла вся современная континентальная Европа" („Русскія Вѣдомости", № 86 за 1915 г.).

Совершенно такъ-же на дѣло смотрятъ теперь и французы, для которыхъ равнымъ образомъ нынѣ во всю высоту поставлена на очередь задача „экономическаго расширенія и поднятія экономической нови".

„Хомутъ не надѣваютъ лошади съ хвоста", говоритъ „Journal des Débats" („Торгово-Промышл. Газета" отъ 21 апр. 1915 г.). Коммерсанты должны быть первыми піонерами всяческаго экономическаго расширенія; это они должны открывать все новые пути. Если они сдѣлаютъ это хорошо, то остальное приложится имъ. Капиталъ пойдетъ туда, гдѣ ему выгодно работать. Методъ германцевъ и заключался въ томъ, что первымъ шелъ купецъ, а за нимъ банковый капиталъ. Кредитъ, конечно, въ данномъ случаѣ является факторомъ перваго ранга, но онъ отнюдь не можетъ служить въ роли волшебной палочки, по мановенію которой все чудесно возникаетъ".

Этотъ же принципъ, несомнѣнно, дѣйствуетъ и долженъ дѣйствовать и у насъ въ Россіи, такъ какъ „эволюція финансированія промышленности,—нужно сказать вслѣдъ за г. Орловымъ,—у насъ идетъ въ томъ же направленіи, какъ и на западѣ" (хотя г. Орловъ и придаетъ этой эволюціи совершенно не тотъ характеръ, который она на самомъ дѣлѣ имѣетъ).

И у насъ, въ Россіи мобилизація промышленности, „поднятіе промышленной нови", созданіе новыхъ промышленныхъ отраслей и предпріятій и расширеніе существующихъ всецѣло должны относиться къ первѣйшимъ обязанностямъ самой промышленности и совершаться на ея *собственныя* средства, которыя у нея для этой цѣли всегда найдутся (по вычисленіямъ г. Орлова превосходитъ, вѣдь, милліардъ рублей „ежегодный приростъ отечественныхъ капиталовъ, помѣщаемыхъ какъ въ цѣнныя бумаги, такъ и вкла-

дами въ кредитныя учрежденія, и могущихъ быть обращенными на усиленіе промышленности").

Финансированіе-же промышленности, имѣющее цѣлью снабженіе ея лишь *оборотными средствами*,—какъ часть общей и широкой задачи мобилизаціи промышленности,—входитъ и должно входить въ кругъ дѣятельности нашихъ банковъ краткосрочнаго кредита, по существу своихъ операцій и по мысли своихъ уставовъ, вполнѣ усвоившихъ основныя черты „смѣшанныхъ" банковъ и въ полной мѣрѣ располагающихъ возможностью обслуживать отечественную промышленность кредитомъ въ тѣхъ четырехъ формахъ, къ которымъ,—по Іейдельсу и Гильфердингу и, повидимому, съ отступленіемъ отъ выводовъ чистой теоріи финансированія промышленности,—какъ послѣдніе излагаетъ г. Каганъ-Шабшай („Вѣстникъ Финанс., Торговли и Промышлен." № 28 за 1915 г.),—г. Орловъ сводитъ всѣ виды промышленнаго кредита, т. е.: 1) путемъ предоставленія промышленности обычнаго платежнаго (вексельнаго) краткосрочнаго кредита, 2) при помощи оказанія промышленности болѣе или менѣе краткосрочнаго оборотнаго кредита, 3) выдачей разнаго рода промышленныхъ ссудъ и 4) финансированіемъ вновь возникшихъ предпріятій посредствомъ эмиссіи ихъ акцій, или покупки всѣхъ или части акцій, или, наконецъ, превращенія кредитуемаго промышленнаго предпріятія въ акціонерное, съ поступленіемъ акцій въ собственность банка въ покрытіе долга предпріятія.

Для возможно болѣе планомѣрнаго и совершеннаго осуществленія мобилизація русской промышленности, для того, чтобы „вдохнуть въ родную промышленность огонь пламеннаго соревнованія" (слова г. А. Ст-на), практики и ученые въ докладахъ въ Техническомъ Обществѣ, на Торгово-Промышленномъ Съѣздѣ, на совѣщаніи при Кіевской Городской Управѣ о перенесеніи въ Кіевъ Лодзинской промышленности и т. д. выдвигаютъ цѣлый рядъ крупныхъ и широкихъ неотложныхъ мѣропріятій общаго и принципіальнаго значенія, какъ пересмотръ торговаго, промышленнаго, рабочаго и акціонернаго законодательства, тарифной и таможенной политики, поднятіе коммерческаго, техническаго и профессіональнаго образованія, созданіе матеріальной культуры и тому подобное, но всѣ эти указанія и пожеланія единодушно и неудержимо сливаются въ одинъ могучій аккордъ, въ которомъ явственно слышится отзвукъ мысли поэта о необходимой предпосылкѣ вся-

каго творчества: „дорогою свободною итти, куда влечетъ свободный умъ“.

„Нужно обезпечить свободу національнаго производства и личной предпріимчивости“,—говоритъ В. В. Жуковскій: „въ основу реформы должны быть положены, взамѣнъ режима ограниченій, разрѣшеній и стѣсненій, широкія начала экономической свободы; духъ опеки и попеченія долженъ исчезнуть“,—заявляетъ В. П. Литвиновъ-Фалинскій, а совѣтъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества нуждамъ русской промышленности придаетъ такую знаменательную формулировку: „основнымъ условіемъ успѣшнаго развитія экономической жизни государства и, въ частности, промышленности должна быть признана такая общеблагопріятная политическая обстановка, которая обезпечивала бы всѣмъ гражданамъ, безъ различія вѣроисповѣданія и національности, свободу приложенія труда и капитала, широкую личную и общественную самодѣятельность на твердыхъ нормахъ права и началахъ законности“.

Поборникомъ тѣхъ-же идей при обсужденіи въ Государственномъ Совѣтѣ бюджета на 1916 г. явился, повидимому, и гр. В. Н. Коковцевъ, указавшій въ одной изъ своихъ рѣчей, что „въ первую голову нужно начать съ развитія, поощренія, укрѣпленія и огражденія частной предпріимчивости и частной иниціативы“... и что „пора снять тѣ ограниченія, которыя до сихъ поръ лежатъ на частномъ промыслѣ“... тѣ „проволочныя загражденія и окопы“, которые „разбросаны на пространствѣ 16 томовъ Свода Законовъ“.

Въ болѣе узкой сферѣ финансированія нашей промышленности, конечно, не нужны такія коренныя реформы; здѣсь достаточно углубить и усовершенствовать, несомнѣнно, присущій уже нашимъ банкамъ краткосрочнаго кредита характеръ „смѣшанныхъ“ банковъ, но, разумѣется, это углубленіе и усовершенствованіе, для своей плодотворности, также должно вестись въ духѣ свободы, въ направленіи того „истиннаго либерализма“ германскихъ банковъ, о которомъ говоритъ Sayous и который дѣйствительно оказался „волшебной палочкой, творящей чудеса“.

Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ помнить, что большинство нашихъ акціонерныхъ коммерческихъ банковъ создано по одному шаблону въ 70—80 годахъ прошлаго столѣтія, при совершенно иной, чѣмъ нынѣ, народно-хозяйственной конъюнктурѣ, при слабо

развитой промышленности и торговлѣ, при господствѣ во всѣхъ проявленіяхъ русской жизни „духа опеки и попеченія".

Такимъ образомъ, уставы нашихъ банковъ носятъ характерный отпечатокъ своей эпохи и господствовавшихъ у насъ тогда идей полицейско-правовой системы.

Поэтому въ то время, какъ преуспѣвающіе германскіе банки не знаютъ рѣшительно никакихъ препятствій на пути своей дѣятельности, построенной на началахъ Laissez faire—laissez passer, а уставъ, напримѣръ, Германскаго Банка находитъ вполнѣ достаточнымъ ограничиться лишь указаніемъ (§§ 1 и 2 устава), что цѣль банка—„производство всякаго рода банковыхъ операцій и, въ особенности, содѣйствіе и облегченіе торговыхъ сношеній между Германіей и прочими европейскими странами и заокеанскими рынками",—уставы нашихъ банковъ содержатъ исчерпывающій перечень дозволенныхъ имъ операцій и обставляютъ послѣднія цѣлымъ рядомъ узко-формальныхъ условій и ограниченій.

Въ частности, что касается операцій нашихъ банковъ по финансированію промышленности, то тѣ четыре формы промышленнаго кредита, которыя приводятся г. Орловымъ, не упущены и болѣе или менѣе удачно предусмотрѣны въ уставныхъ перечняхъ, такъ что соотвѣтственныя постановленія уставовъ, разработанныя къ тому же, согласно съ требованіями нашей современной торгово-промышленной жизни, успѣвшимъ уже сложиться у насъ банковымъ обычнымъ правомъ и банковой практикой (таковы, напримѣръ, правила банковъ о подтоварныхъ ссудахъ и „On Call„-ныхъ счетахъ подъ товары),—даютъ нашимъ банкамъ возможность до нѣкоторой степени удовлетворительно снабжать кредитомъ русскую промышленность при посредствѣ *строго-уставныхъ* операцій учета векселей и торговыхъ обязательствъ, открытія корреспондентскихъ счетовъ, выдачи ссудъ подъ товары (съ правомъ переработки сырья въ готовые фабрикаты) и, наконецъ, покупки за *собственный банковъ счетъ* и эмиссіи по порученію разнаго рода дивидендныхъ бумагъ даже и безъ правительственной гарантіи.

Но, кромѣ того, наши банковые уставы пытаются нормировать также еще и весьма обширный кругъ, такъ называемыхъ, товаро-комиссіонныхъ операцій, являющихся могучимъ, хотя и косвеннымъ, способомъ финансированія промышленности нашими банками и представляющихъ изъ себя какъ-бы канву, на фонѣ которой должны у насъ въ Россіи развернуться „содѣйствіе и об-

легченіе торговыхъ отношеній“ или, говоря иначе, участіе нашихъ банковъ въ отечественной торговлѣ и промышленности и установленіе постоянной и тѣсной связи между ними.

Эти операціи въ настоящее время формулируются нашими уставами, какъ „покупка и продажа товаровъ, по порученію и за счетъ частныхъ лицъ, учрежденій и торговыхъ домовъ, за опредѣленную напередъ комиссіонную плату“, при чемъ оговаривается, что затрата банкомъ суммъ на такую покупку не должна превышать одной пятой части его складочнаго капитала, а перечень товаровъ, кои могутъ быть покупаемы банкомъ, подлежитъ утвержденію Министерства Финансовъ. Но первоначально рѣчь шла лишь о комиссіонной *продажѣ* товаровъ, и только новелла 14 февраля 1905 г. (составляющая нынѣ ст. 36[1] раздѣла XI Устава Кредитнаго, по продолженію 1906 г.),—очевидно, ближе отражая современное положеніе вещей,—предоставила Министру Финансовъ разрѣшать банкамъ ходатайствовать о дополненіи ихъ уставовъ включеніемъ въ число дозволенныхъ операцій также и *покупки* товаровъ по порученію третьихъ лицъ.

Уже одно ознакомленіе съ указаннымъ пунктомъ банковыхъ уставовъ наглядно доказываетъ, что конструкція товаро-комиссіонныхъ операцій у насъ совершенно устарѣла, не отвѣчаетъ запросамъ нашей современной, столь осложнившейся, торгово-промышленной жизни и не согласована, наконецъ, съ новѣйшимъ нашимъ положительнымъ законодательствомъ.

Дѣло въ томъ, что въ теперешней своей редакціи данный пунктъ уставовъ, несомнѣнно, воспроизводитъ основныя черты договора торговой комиссіи, предполагающаго, по теоріи права и законодательной практикѣ, заключеніе комиссіонеромъ торговыхъ сдѣлокъ отъ *своего* имени, какъ самостоятельной стороны, за счетъ другого лица.

Въ Россіи до послѣдняго времени положительному закону этотъ договоръ совершенно не былъ извѣстенъ, и лишь Сенатъ имѣлъ случай нѣсколько разъ высказаться о его сущности въ выраженіяхъ, близкихъ по смыслу къ тексту уставовъ.

Закономъ 21 апрѣля 1910 года этотъ существенный пробѣлъ нынѣ устраненъ, и, въ полномъ соотвѣтствіи съ другими законодательствами и съ доктриной, ст. 14 новаго закона (ст. 54[14] Уст. Торг., изд. 1903 г., по продол. 1912 г.) предусматриваетъ, какъ естественное слѣдствіе отношеній, вытекающихъ изъ договора тор-

говой комиссіи, право комиссіонера выступать самому продавцомъ или покупателемъ (faire contre-partie—по французской терминологіи), если только товары имѣютъ биржевую или рыночную цѣну, и если препоручитель не сдѣлалъ распоряженій, исключающихъ такое выступленіе.

Означенное право „личнаго вступленія" комиссіонера въ сдѣлку долго служило предметомъ ожесточенныхъ споровъ среди юристовъ, стоящихъ на формальной почвѣ строгой цивилистики, но торгово-промышленные круги (по крайней мѣрѣ,—въ Германіи)— и это чрезвычайно характерно - высказались по этому вопросу „утвердительно съ полной отчетливостью" еще въ началѣ прошлаго столѣтія (см. монографію С. Якоби: „Право банковой и товарной комиссіи").

Подъ давленіемъ именно указанныхъ круговъ и *въ ихъ интересахъ* германское торговое уложеніе (ст. 400) разрѣшило этотъ споръ въ томъ же смыслѣ, что и цитированная выше ст. 14 нашего закона о договорѣ торговой комиссіи.

Такое лишь факультативное право „личнаго вступленія" комиссіонера въ сдѣлку кажется, однако, представителямъ торговли и промышленности въ Германіи недостаточнымъ. „По воззрѣніямъ коммерческаго оборота—говоритъ Якоби—комиссіонеръ *обязанъ* лично вступить въ сдѣлку въ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о покупкѣ или продажѣ обращающихся на биржѣ товаровъ. Всякій вѣдь хорошо знаетъ, что при передачѣ банку для продажи цѣнныхъ бумагъ, стоимость таковыхъ имѣетъ быть получена продавцомъ наличными *именно отъ банка,* а не отъ указаннаго банкомъ третьяго лица... Совершенно также дѣло обстоитъ и при комиссіонной покупкѣ. Если кто-либо поручаетъ банку купить на ultimo 25 акцій, онъ сочтетъ шуткой извѣщеніе банка, которое гласило бы, что акціи куплены, и что комиттентъ имѣетъ принять ихъ въ концѣ мѣсяца отъ *третьяго* лица".

При несомнѣнной наличности такихъ, по существу совершенно правильныхъ и недопускающихъ возраженій, взглядовъ также и среди кліентеллы нашихъ банковъ, послѣдніе, въ связи со своею товаро-комиссіонной дѣятельностью, понятно, не могутъ не пользоваться предоставляемымъ комиссіонеру закономъ 21 апрѣля 1910 г. правомъ личнаго вступленія въ сдѣлку, хотя бы уже въ силу того, что „живую жизнь нельзя уложить въ ту или иную схему"—(см. статью г. Ив. Урманова: „По поводу торговой конкуренціи бан-

ковъ", —„Торгово-Промышленная Газета", 1911 г., № 211) — особенно, если эта схема представляетъ такой неудачный анахронизмъ, какъ постановленія нашихъ банковыхъ уставовъ о товаро-комиссіонныхъ операціяхъ.

Но помимо естественныхъ требованій самой коммерческой жизни, помимо послѣдовавшаго нынѣ разрѣшенія закона, самостоятельное участіе нашихъ банковъ въ торговой дѣятельности должно составлять ихъ *неотъемлемое право*, какъ неизбѣжный логическій выводъ изъ финансированія ими промышленности, путемъ пріобрѣтенія для сбыта тѣхъ или иныхъ ея произведеній и фабрикатовъ и выдачи подъ нихъ авансовъ.

„Нужно совершенно откровенно признать,—говоритъ представитель Министерства Торговли и Промышленности на одномъ изъ междувѣдомственныхъ совѣщаній по вопросу о торгово-комиссіонной дѣятельности нашихъ банковъ, С. В. Бородаевскій,—что тамъ, гдѣ банки выдаютъ ссуды подъ хлѣбъ, они *волей-неволей* ведутъ торговлю хлѣбомъ... Это вытекаетъ *само-собою* изъ той дѣятельности, къ которой банки обратились, выступая съ комиссіонными операціями" (см. указываемую ниже работу Э. С. Каценеленбаума).

Исторія товаро-коммиссіонныхъ операцій нашихъ банковъ воочію показала, что, производя эти операціи по *строгой буквѣ* уставовъ, т. е. подтверждая разныя товарныя сдѣлки за опредѣленное вознагражденіе отъ своего имени, но по порученію и за счетъ своихъ комиттентовъ, представляющихъ имъ для сей цѣли извѣстныя обезпеченія, банки непомѣрно увеличиваютъ свой рискъ и подвергаютъ себя опасности крупныхъ убытковъ, такъ какъ въ моменты промышленныхъ и торговыхъ кризисовъ цѣны рѣзко понижаются, и амплитуда ихъ пониженія нерѣдко не только поглощаетъ обезпеченія комиттентовъ, но и значительно ихъ превышаетъ, а между тѣмъ банки, конечно, все-таки остаются по отношенію къ своимъ контрагентамъ обязанными выполнить подтвержденныя ими сдѣлки.

Этотъ рискъ можетъ быть приведенъ къ нормѣ, свойственной прочимъ „регулярнымъ" банковымъ операціямъ (какъ, напримѣръ, учету векселей или покупкѣ за *собственный банковъ* счетъ негарантированныхъ разныхъ дивидендныхъ бумагъ) лишь при условіи, если банки будутъ поставлены въ *вещныя* отношенія къ объектамъ товарныхъ сдѣлокъ и получатъ *право собственности*

на товары, какъ это имѣетъ мѣсто и съ векселями и съ бумагами по указаннымъ выше операціямъ.

Такимъ образомъ, интересы обѣихъ сторонъ—комиттентовъ и комиссіонеровъ—неоспоримо требуютъ предоставленія комиссіонерамъ права „личнаго вступленія“ въ сдѣлки.

Это прямо и признаетъ объяснительная записка Министерства Торговли и Промышленности, при которой законопроектъ договора торговой комиссіи былъ внесенъ на уваженіе законодательныхъ учрежденій.

„Кодексы германскій, австрійскій, италіанскій допускаютъ— говоритъ эта записка—такое право (т. е. личнаго вступленія комиссіонера въ сдѣлку), но лишь въ такихъ сдѣлкахъ, которыя заключаются въ покупкѣ или продажѣ предметовъ, имѣющихъ рыночную или биржевую цѣну. Содержащимися въ приведенномъ постановленіи условіями ограждаются интересы препоручителя, такъ какъ биржевая или рыночная цѣна, по которой долженъ производиться разсчетъ, составляетъ именно тотъ предѣлъ, къ которому вообще долженъ стремиться комиссіонеръ, охраняя интересы препоручителя съ возможной заботливостью. Затѣмъ, нельзя не имѣть въ виду, что допущеніе для комиссіонера права вступать въ сдѣлку является *полезнымъ* не только для послѣдняго, *но и для препоручителя,* такъ какъ въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ служить къ соблюденію интересовъ препоручителя болѣе удобною и скорѣйшею покупкою или продажею товаровъ,—тѣмъ болѣе, что по существу для препоручителя безразлично, отъ кого будетъ пріобрѣтенъ комиссіонеромъ для него товаръ или кому его товаръ будетъ проданъ, лишь бы только всѣ условія договора комиссіи, служащія къ обезпеченію интересовъ препоручителя, были соблюдены со стороны комиссіонера“ (см. Ю. В. Александровскій: „Законъ о договорѣ Торговой Комиссіи“, стр. 23).

Эти осторожныя, безстрастныя слова законодательныхъ мотивовъ даютъ краснорѣчивый отвѣтъ на всѣ тѣ обвиненія (о нихъ была, между прочимъ, рѣчь и на московскомъ совѣщаніи о дороговизнѣ лѣтомъ 1915 г.) въ нарушеніи уставовъ, захватѣ торговли, спекуляціи, способствованіи дороговизнѣ и т. д., которыя уже давно раздаются по адресу нашихъ банковъ, въ связи съ ихъ торгово-комиссіонными операціями, и которыхъ, во всякомъ случаѣ, совершенно нельзя было ожидать со стороны весьма заинтересованныхъ въ этихъ операціяхъ представителей торгово-промышленнаго

класса, естественно принужденнаго и у насъ обращаться за кредитомъ къ банкамъ—этимъ „большимъ складамъ капитала„ (Easton).

Исторія, повидимому, дѣйствительно повторяется, и, словно для подкрѣпленія этой старой мысли, въ самое послѣднее время указанныя обвиненія банковъ приняли такой рѣзкій, предвзятый и односторонній характеръ (таковъ, напримѣръ, хлесткій по формѣ и пустой по существу памфлетъ: „Правда о русскихъ банкахъ". Изд. журн. „Промышленная Россія". II. 1915 г.),—что положительно воскрешаютъ въ памяти содержаніе „манифеста бѣшеныхъ" (manifeste des enragés), съ которымъ во времена Парижской Коммуны Жакъ Ру и Секція Гравиллье выступили, во имя борьбы со спекуляціей и дороговизной, противъ „банкировъ, арматоровъ и монополистовъ". (см. проф. Н. И. Карѣевъ, „Коммунистическая петиція Жака Ру и Секціи Гравиллье".—„Русскія Записки", № 1 за 1916 г.).

Что касается противоуставности самостоятельныхъ торговыхъ выступленій нашихъ банковъ, то теперь, съ изданіемъ закона 21 апрѣля 1910 года (въ ст. 9 къ тому-же особо упоминающаго о комиссіонерѣ, занимающемся исполненіемъ порученій *„въ видѣ промысла"*), этотъ вопросъ, конечно, совершенно отпадаетъ, но, независимо отъ сего, нельзя игнорировать также серьезнаго, хотя и формальнаго, юридическаго „отвода" противъ всѣхъ такихъ ссылокъ на нарушеніе уставовъ, заключающагося въ единодушномъ и многократно высказанномъ судебной практикой взглядѣ (см. рѣшенія Гр. К. Д. за 78 г. №№ 112 и 216 и Суд. Деп. 19 ноября 1909 г. и другія), по которому ни контрагентамъ банковъ, ни, тѣмъ менѣе, стороннимъ лицамъ не предоставлено ссылаться, для опороченія банковыхъ сдѣлокъ, на уклоненіе таковыхъ отъ уставовъ,—что всецѣло составляетъ прерогативу лишь *хозяевъ кредитнаго учрежденія—его акціонеровъ.*

По вопросу же о спекуляціи банковъ, захватѣ ими торговли, поддержкѣ дороговизны и т. д., Э. С. Каценеленбаумъ въ своей книжкѣ „Коммерческіе банки и ихъ торгово-комиссіонныя операціи", снабженной предисловіемъ такого опытнаго банковаго дѣятеля, какъ Е. М. Эпштейнъ, собралъ обширныя данныя (отзывы биржевыхъ комитетовъ, журналы засѣданій съѣздовъ представителей биржевой торговли и сельскаго хозяйства, анкеты и т. д.), съ одной стороны, выясняющія, что со многихъ точекъ зрѣнія указанныя операціи банковъ, характеризуемыя даже „какъ самая

лучшая дѣятельность банковъ", признаются экономическимъ факторомъ, несомнѣнно, *положительнаго* свойства, что онѣ приводятъ къ оздоровленію и демократизаціи торговли, къ организаціи ея на болѣе солидныхъ и упорядоченныхъ основаніяхъ, къ упроченію значенія торговыхъ сдѣлокъ, къ смягченію на товарномъ рынкѣ „проявленій крайняго спекулятивнаго азарта", къ *удешевленію товаровъ*, благодаря концентраціи торговли и лучшей организаціи посредничества, и къ пониженію по той же причинѣ торговыхъ издержекъ и нормы торговой прибыли, а, съ другой стороны, приводящія автора къ выводу, что „преобладающимъ мотивомъ во всѣхъ этихъ мнѣніяхъ (категорически высказывающихся противъ торгово-комиссіонной дѣятельности банковъ) является вредъ, наносимый банками торговому классу, *конкуренція*".

Тоже признаетъ и проф. П. П. Гензель въ своей статьѣ: „Роль банковъ и кредита въ современной дороговизнѣ" (Труды Комиссіи по изученію дороговизны при О-вѣ имени А. И. Чупрова. Вып. III).

„По адресу хлѣбной торговли,—говоритъ онъ,—широко и открыто высказывается возмущеніе во многихъ хлѣбородныхъ районахъ, хотя по существу дѣла—это *протестъ противъ крупнаго капитала, дѣйствующаго при участіи банковъ или рядомъ съ ними*".

Изъ всего, теперь уже весьма разросшагося, обличительнаго противъ банковъ матеріала только что цитированная статья проф. Гензеля должна, конечно, остановить на себѣ особенное вниманіе, какъ попытка подвести подъ обвиненія банковъ прочный и солидный фундаментъ строгой, объективной и точной науки.

Къ сожалѣнію, тема статьи оказалась для почтеннаго автора неразрѣшимой „квадратурой круга", и ему пришлось ограничиться констатированіемъ, что тѣ признаки, по которымъ онъ предполагалъ установить „измѣненіе политики нашихъ банковъ краткосрочнаго кредита въ ихъ товарныхъ операціяхъ за время войны, поскольку такое измѣненіе могло въ спекулятивныхъ цѣляхъ содѣйствовать удорожанію продуктовъ массового потребленія"— условны и относительны (стр. 241), и ни разборъ банковыхъ балансовъ, „въ текущемъ году не Богъ вѣсть какъ отличающихся отъ балансовъ предшествующихъ лѣтъ", ни изученіе произведенной Обществомъ имени А. И. Чупрова спеціальной анкеты „не даютъ надежнаго ключа къ разрѣшенію вопроса объ учасіи бан-

ковъ въ товарныхъ операціяхъ", какъ не отвѣчаютъ (правда, по словамъ проф. Гензеля, только „какъ будто") и на вопросъ, почему „въ прежніе годы эти операціи банковъ не вели къ грандіозной дороговизнѣ" (стр. 254, 257, 266).

Такимъ образомъ, не располагая для сужденія о томъ, „какъ управляется міръ" реальными данными и цифрами, почерпнутыми изъ дѣйствительнаго товарообмѣна и научно провѣренными, проф. Гензель, для установленія связи того или иного банка съ отдѣльными отраслями промышленности и торговли и „усиленнаго участія банковъ въ товарно-спекулятивномъ оборотѣ во время войны", принужденъ прибѣгнуть къ разнымъ „побочнымъ указаніямъ", гипотезамъ, болѣе или менѣе недостовѣрнымъ по его собственному признанію [почему онъ и сопровождаетъ ихъ оговорками въ родѣ: „я склоненъ думать" (стр. 247), „если вообще можно предполагать" (стр. 246), „я могу ошибиться" (стр. 250), „весьма вѣроятно" финансированіе хлопковой операціи (стр. 254) и т. д.], и, наконецъ, къ „общеизвѣстнымъ фактамъ", изъ которыхъ весьма многіе, вопреки извѣстному юридическому афоризму, еще egent probandi.

Вслѣдствіе этого, статья проф. Гензеля полна самыхъ рѣзкихъ противорѣчій и антитезъ, которыя, сильнѣе оттѣняя только всю шаткость, легковѣсность и голословность обвинительной части статьи, тѣмъ самымъ достигаютъ скорѣе прямо противоположной цѣли и реабилитируютъ банки въ выдвигаемыхъ противъ нихъ обвиненіяхъ.

Въ этомъ не трудно убѣдиться, если предоставить слово самому проф. Гензелю и сопоставить рядомъ нѣсколько его основныхъ положеній:

„*Трудно*", говоритъ, напримѣръ, авторъ, „*опредѣлить истинный характеръ* данной операціи въ томъ или иномъ банкѣ, но ея нерѣдко *сильно товарно-спекулятивный характеръ не подлежитъ сомнѣнію* (стр. 252). „Товарныя операціи банковъ сами по себѣ способны играть *чрезвычайно полезную роль* въ народномъ товарообмѣнѣ и, облегчая торгово-промышленный оборотъ, содѣйствовать образованію *болѣе низкихъ* или, точнѣе говоря, *нормальныхъ цѣнъ*" (стр. 241).

Кредитъ является необходимымъ условіемъ развитаго товарообмѣна, слѣдовательно, *облегчаетъ конкуренцію и подрываетъ нездоровую спекуляцію и монопольную эксплоатацію*" (стр. 241).

„Большимъ *минусомъ* нашей банковой организаціи является *формальное воспрещеніе* торговыхъ операцій... Послѣднія вовсе не должны бы подлежать формальному воспрещенію, такъ какъ уже давно выяснена *полная допустимость ихъ по теоретическимъ и практическимъ соображеніямъ* и безполезность формальнаго запрещенія, легко обходимаго банками“ (стр. 254).

„Совокупная масса всѣхъ оборотовъ нашихъ банковъ, поскольку они соприкасаются съ производствомъ и продажей продуктовъ массового потребленія,—настолько меньше всего торгово-промышленнаго оборота въ этой области,—что говорить о банкахъ, какъ о *главномъ источникѣ современной дороговизны*, было бы *громаднымъ преувеличеніемъ*“ (стр. 264).

„Если поставить вопросъ прямо: повинны ли банки въ томъ, что своей спекуляціей создали современную дороговизну, то надо отвѣтить: представленіе о *прямой и непосредственной спекуляціи* банками на зерновыхъ хлѣбахъ надо считать *преувеличеннымъ*; но та, *относительно скромная*, спекуляція, которая ими, несомнѣнно, (?) была проявлена, сыграла огромную роль (?) вообще въ дѣлѣ поощренія торговой спекуляціи на повышеніе цѣнъ на продукты массового потребленія“ (стр. 266).

Словомъ—гора родила мышь, и въ конечномъ итогѣ проф. Гензель приходитъ къ совершенно неожиданному выводу, что „мы должны говорить скорѣе объ *общей тенденціи*, проявленной банками въ области ихъ товарной политики, чѣмъ объ *абсолютномъ количествѣ* ихъ операцій, по сравненію съ предшествующими годами“, что „*лозунгъ на повышеніе*, продиктованный банками, дѣйствуетъ *гораздо дальше*, чѣмъ въ сферѣ ихъ непосредственныхъ операцій“, что „это—*лавина*, которая увлекаетъ массовые круги скупщиковъ и спекулянтовъ, прибѣгающихъ *далеко не въ большой степени* къ банковскому кредиту“, и что, наконецъ, „сильное *давленіе* банковъ на пониженіе цѣнъ, по которымъ хлѣбъ покупается, и на повышеніе цѣнъ, по которымъ хлѣбъ продается, заставляетъ людей видѣть въ банкахъ *элементъ титанической силы и злой воли*“ (см. указанную статью проф Гензеля, стр. 265).

Но если это такъ, то, кажется, не только для тѣхъ, кто учился „чему—нибудь и какъ—нибудь“ и знакомъ хотя бы съ самыми простыми аксіомами уголовнаго права, но, вѣроятно, даже и для „людей“, безотчетно и слѣпо вѣрующихъ „въ элементы титанической силы и злой воли“, должно быть вполнѣ очевидно,

что въ товарныхъ банковыхъ операціяхъ и связанныхъ съ ними тѣхъ или иныхъ послѣдствіяхъ никакъ нельзя усмотрѣть необходимыхъ, для самаго бытія преступленія, юридически вмѣняемыхъ „внѣшнихъ актовъ", и всѣ эти „общія тенденціи", „лозунги", „лавины" и „давленія" въ лучшемъ случаѣ—не болѣе (употребляя выраженіе проф. Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскаго), какъ ненаказуемыя „безформенныя мысли", такъ что по обвиненію въ поддержкѣ спекуляціи и созданіи дороговизны банки, за отсутствіемъ умысла и состава преступленія, должны быть оправданы.

Оправдательный приговоръ вынесла банкамъ и, несомнѣнно, весьма компетентная Комиссія, подъ предсѣдательствомъ Н. Н. Покровскаго, о мѣрахъ борьбы съ дороговизной Особаго Совѣщанія по Продовольствію, которая, въ засѣданіи отъ 16 ноября 1915 г., хотя и отклонила прямое пожеланіе о снятіи съ банковъ запрещенія производства торговыхъ операцій, тѣмъ не менѣе по существу высказалась въ томъ-же духѣ, но только въ болѣе осторожной формѣ, постановивъ, что „въ настоящее время не представляется возможнымъ произвести ломку въ дѣлѣ участія банковъ въ торговыхъ операціяхъ предметами первой необходимости", и что надлежитъ просить Министерства Финансовъ и Торговли и Промышленности „обсудить вопросъ о *несоотвѣтствіи положеній дѣйствующаго Кредитнаго Устава современнымъ требованіямъ торговой жизни* и о степени желательности *отмѣны и измѣненія* нѣкоторыхъ его постановленій, *стѣсняющихъ торговыя операціи* въ продовольственномъ дѣлѣ" (см .„Вѣстн. Сах. Пром." № 47, за 1915 г. стр. 473 и 474).

Болѣе опредѣленно говоритъ (въ цитированной уже статьѣ) по тому же поводу г. Урмановъ:

„Жалобы на то, что угнетаемое банками купечество должно безропотно гибнуть, заранѣе зная, что оно не можетъ отпарировать ударовъ вооруженнаго противника—это крикъ слабаго, крикъ побиваемаго... Противникъ дѣйствительно сильно вооруженъ и естественно, что онъ побиваетъ. Но онъ силенъ своей организованностью, своимъ коммерческимъ разсчетомъ, своей коммерческой этикой... Торговля и благо страны не только ничего не теряютъ отъ активнаго за свой счетъ и страхъ выступленія банковъ на рынокъ, но, наоборотъ, *выигрываютъ, и качественно и количественно.* Страдаютъ отъ этого лишь современные дѣятели торговли, которые, сознавая грозящую имъ, въ виду ихъ внутренняго разложенія, опасность, извиваются въ жалобахъ и обращаются

по обыкновенію въ сторону наименьшей трудности, не желая понять, что не правительство должно бы ихъ спасать, а они сами себя, для чего имъ нужно вооружиться тѣмъ же оружіемъ, какимъ вооруженъ ихъ организованный противникъ".

Къ нашимъ банкамъ г. Урмановъ обращается поэтому съ совѣтомъ „понять моментъ, сознать свою силу и выступить *поднятымъ забраломъ* и позаботиться объ измѣненіи и дополненіи своихъ уставовъ, согласно съ требованіями момента; имъ слѣдуетъ внимательнѣе вглядѣться въ практику Западной Европы..., гдѣ имѣются банковыя учрежденія, которыя *вполнѣ легально* появляются на рынкѣ, въ качествѣ *самостоятельнаго дѣятеля* его"...

Дѣйствительно, изъ всего предыдущаго изложенія съ полной очевидностью вытекаетъ, что реальные запросы нашей коммерческой жизни—и, въ частности, задачи финансированія промышленности—и современное состояніе нашего правосознанія властно диктуютъ такую реформу нашихъ банковыхъ уставовъ, какъ безусловно неотложную часть программы—минимумъ,—по крайней мѣрѣ, пока не будетъ признано возможнымъ совершенно отказаться отъ уставнаго перечня банковыхъ операцій.

Такимъ образомъ, намѣчавшіеся уже выше итоги проблемы финансированія русской промышленности сводятся не къ устройству для сего какихъ-либо спеціальныхъ организацій, а исключительно къ созданію для нашихъ коммерческихъ банковъ существующаго „смѣшаннаго" типа такихъ условій, которыя давали бы имъ полную возможность безвозбранно и безпрепятственно „питать денежнымъ капиталомъ" отечественную промышленность...

Эти итоги отнюдь не могутъ, конечно, претендовать на новизну и оригинальность, но вѣдь приведенныя выше соображенія докладной записки Техническаго Общества объ общей обстановкѣ, необходимой для экономическаго развитія нашей страны, печать не преминула оцѣнить по заслугамъ (см. „Рѣчь" № 137 за 1915 г.), невзирая на всю „трафаретность" подобныхъ соображеній.

Слѣдовательно, и по предмету, нерѣдко весьма страстно ведущагося, злободневнаго спора о промышленномъ банкѣ, повидимому, также не совсѣмъ безполезно повтореніе избитыхъ „трафаретовъ",—особенно разъ лавры братьевъ Перейра и въ наши дни все еще не даютъ спать ихъ многочисленнымъ подражателямъ и поклонникамъ,—силящимся воскресить изжитую уже идею о всеспасительности „движимаго кредита".

Л. Г. Фарацъ.